

УДК 81:316.77

**АВТОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

Равочкин Н.Н.

В статье автор обращается к освещению политического дискурса как одного из наиболее актуальных объектов современной отечественной лингвистики в отражении антропоцентристской парадигмы. Цель статьи сводится к уточнению и репрезентированию связей между языком, человеком как его главным носителем и сферой политического для последующих исследований политического дискурса с позиций психолингвистического и прагматического аспектов. Автор отмечает неразрывность современных лингвистических исследований с феноменом «языковая личность». Представлено развитие категории «языковая личность» в увязке с лингвистической философией и «смертью автора».

Ключевые слова: политический дискурс, автор, психолингвистика, политическая лингвистика, язык, речь, антропоцентристская парадигма, адресат, политика, общество.

**THE AUTHOR IN POLITICAL DISCOURSE
FROM THE PERSPECTIVE OF PSYCHOLINGUISTICS**

Ravochkin N.N.

The article reveals political discourse as one of the most relevant objects of modern Russian linguistics in the reflection of the anthropocentric paradigm. The purpose of the article is to clarify and represent connections between the language, the man as his main bearer, and the political sphere for further research of political discourse from the perspective of psycholinguistic and pragmatic aspects. The author notes the continuity of modern linguistic studies with the phenomenon of “linguistic personality”, and the article presents the development of the category “linguistic personality” in conjunction with linguistic philosophy and “the death of the author”.

Keywords: political discourse, author, psycholinguistics, political linguistics, language, speech, anthropocentric paradigm, addressee, politics, society.

Проблематика предлагаемой читателю работы связана с противоречиями, сложившимися в современных лингвистических исследованиях, реализуемых во всем множестве и сложности взаимоотношений языка и политики. Политическая коммуникация в российском социуме приобретает особую значимость в связи с обнаружившимся «вакуумом однопартийной риторики», при котором теоретизация языковых средств, богатство речи и ряд других предметных областей практически были обделены исследовательским вниманием.

Актуальность статьи обуславливается мировой эволюцией форм борьбы за власть, при которой видное место отдается речевым способам и умениям строить тексты в соответствии с ожиданиями целевых аудиторий (адресатов). Отсюда логично, что дух настоящего времени определяет политический дискурс одним из приоритетных инструментов в борьбе за власть и формирования общественного сознания. Однако, несмотря на это, проблема изучения образов автора и адресатов, не являющаяся принципиально новой для лингвистики, еще не получила достаточной разработки в отечественной филологии, где лингвистические исследования стремятся отразить различные аспекты: гендерный, когнитивный, прагматический, и другие. Применительно к нашей тематике, это указывает на необходимость погружения в предметное поле, прежде всего, психолингвистики.

По нашему мнению, сегодня содержание политического дискурса составляет некоторая структура и единство речевых актов, имеющих отношение к борьбе за государственную власть и непосредственно функционирующих в политическом пространстве. Обозначим для читателя, что «широкое понимание содержания политического дискурса делает целесообразным также отнести сюда устные и письменные тексты и/или их фрагменты, которые создаются как профессионалами, так и журналистами и

даже неспециалистами, в их сопряженности с ситуативным контекстом и рядом факторов (исторические, социально-культурные, экономические, идеологические, психологические, а также набирающие популярность при проведении междисциплинарных исследований – правовые)» [15, с. 244].

Современные исследования политического дискурса даже при отчетливом выборе исследователем сравнительной, структурной или любой другой методологической установки в определенной степени затрагивают антропоцентристскую парадигму, где человек, словно по Протагору, является «мерой всех вещей», постигает мир через свой индивидуальный инструментарий познания. В первую очередь – это восприятие, свидетельствующее об усилении психологизма, плюральном наборе идеалов, ценностных ориентирах, идеологических установках и т.д. Образы, формируемые восприятием, тесно связаны с политической культурой, политическим сознанием, самосознанием, эмоциональными переживаниями. На формирование этих особенностей влияют события внутренней жизни страны, действующие политические институты, внешнее окружение страны, общество в целом [4]. Антропоцентрический подход концентрируется на субъекте (языковой личности), «ориентирует на новое понимание дискурса и текста, заставляя видеть в них процесс и результат ментальной деятельности человека, аргумент, с помощью которого меняется картина мира в сознании реципиента» [23, с. 172]. Будучи языковой личностью, политик «реализует себя в дискурсивных действиях, трансформируясь в дискурсивную личность» [25, с. 107]. В структуре индивидуальной языковой личности политика проявляются личностные предпочтения субъекта дискурса на фоне общих. Как и сам политический дискурс, языковая личность представляет собой динамический феномен синкретического характера [24].

Обратимся лишь к основным вехам истории становления антропоцентрической парадигмы в лингвистике. «Языковая личность» становится системообразующим понятием относительно недавно [10]. Она берет свое начало с исследований Г.И. Богина [3], по определению которого,

«языковая личность – человек, анализируемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь, и такая личность определяется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [6, с. 3]. Несколько позднее Ю.Н. Караулов [12] не только охарактеризовал языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к производству и восприятию речевых текстов», но и выделил в соответствии с этим ее структурные уровни:

«1. Вербально-семантический, который отражает степень владения обыденным языком.

2. Когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, её тезауруса, культуры.

3. Прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [13, с. 8].

Интерес к изучению языковой личности политика основывается на том, что современный политический деятель в процессе профессионально окрашенной коммуникации представляется как «метонимический знак, заменяющий группу» [20]. Мы уже отмечали, что реализуя себя в дискурсивных действиях как «языковая личность», политический деятель становится личностью дискурсивной [25], которая представляет собой интерактивную систему разносторонних и персональных «дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации и оставляющих свои следы в производимых ими текстах» [23, с. 178-179]. Таким образом, языковые личности каждого из политиков уникальны и легко узнаваемы.

Восприятие и последующие характеристики политиков всегда неоднозначны. Во многом это зависит от того, чьи интересы он представляет. Кроме того, важно, чтобы его слова и обещания не расходились с конкретными делами, но находились в синкретизме [4]. Каждый политик обладает определенными речевыми и психологическими особенностями, на которых основываются его высказывания и поступки, имеющие значение не только для сферы политического, но и для общества и всего государства.

Будучи языковой личностью и основываясь на своем жизненном опыте, каждый из политических деятелей использует определенные выражения для достижения своих политических и личностных целей. Это в определенной мере наделяет личность политика дополнительными социальными и политическими ценностями, способствуя более глубокому эмоциональному восприятию его образа [7; 20].

В политическом дискурсе в качестве авторов и адресатов текстов позиционируются не только индивидуальные, но коллективные субъекты. Однако очевидно, что с позиции речемыслительного процесса воспринятый адресатом текст будет восприниматься и интерпретироваться исключительно индивидуально. Как известно, модель любого дискурса включает в себя его участников. Применительно к политическому дискурсу, Н.Б. Руженцева выделяет коллективного и индивидуального авторов, репрезентирующих надличностное и личностное начало соответственно. В рамках настоящей работы мы не ставили себе цель раскрытие содержания, как самого коллективного автора, так и его образа. С позиции антропоцентристской парадигмы большой интерес представляет индивидуальный автор как отдельный политический субъект, в котором более ярко выражено личностное начало, а перечень его ролей более разнообразен, нежели у коллективного автора [17].

Дух настоящего времени и политики – это устная речь, построенная по собственным законам, отличным от законов речи письменной. Устная речь представляется более интересной в исследовательском плане для лингвистов

еще и постольку, поскольку ее сопровождают и активно маркируют кинесические параметры (взгляд, пространственное расположение говорящего автора, поза, взгляд, мимика, жесты, внешний вид). В разговорной речи авторское личностное начало усиливается еще и потому, поскольку имеет целью повысить эффективность речевого воздействия на адресата. Поэтому в устной речи политических деятелей активно используется «эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика, применяются образные сравнительные конструкции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, при необходимости сленг и просторечные элементы» [26, с. 36]. Отмечая активную роль адресата в данной разновидности дискурса, Е.В. Тенева отмечает, что данный факт предоставляет «автору речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки)» [22, с. 136].

Рассмотрим устную речь с позиции теории речевых актов. В речевых актах функционирование языка зависит от целого ряда факторов. Среди них И.И. Бакланова отмечает плюрализм способов речевого общения в вербальном информационном отражении [3]. Известный в аналитической философской традиции мыслитель Дж.Л. Остин сделал неоценимый с позиции современной антропоцентристской лингвистической парадигмы вклад, разделив процесс произнесения высказывания на три группы отдельных актов, среди которых:

1. Локутивный (акт говорения), в результате которого появляется звучащее на каком-либо языке высказывание.
2. Иллокутивный (акт доведения до адресата сведений о коммуникативных намерениях говорящего).
3. Перлокутивный (акт воздействия на получателя высказывания), приводящий эффекту в форме неконвенциональных речевых действий [3; 11; 14; 28].

В теории речевых актов весьма важная роль отводится факторам, имеющим отношение к языковому поведению автора и адресата. Здесь учитываются статус участников коммуникации, их интенции,

дифференцированные целеустановки и стратегия языкового поведения участников речевого акта. В политическом дискурсе в речи автора отображаются эти три акта: сообщение (передача сведений), убеждение (обращение к рациональной стороне) и внушение (побуждение к определенным действиям). Важным механизмом является коммуникативная адаптация как способность сторон, участвующих в процессе речевого общения быть гибкими и готовыми пересмотреть привычные представления.

Наше обращение к остиновской теории обусловлено, прежде всего, тем, что в именно ней проявляется роль автора и его намерений относительно адресата в образовании самого сообщения. Применительно к политическому дискурсу, группа перлокутивных актов свидетельствует об ориентации на конкретного адресата. [3; 14; 18]. Автор и адресат – оба являются языковыми личностями, концентрирующими в себе как обобщенные черты своего народа (иногда и общего этноса) и своей культуры, так и личный опыт знаний, мнений, предпочтений, оценок, отношений. Автор текста политического дискурса прогнозирует в адресате определенный образ, ориентируясь на который, он осуществляет выбор определенного тематического пласта. Намерения адресанта задают способы представления в тексте всей совокупности отношений между компонентами речевого акта [3; 19].

В переводе с латинского «автор» означает субъекта действия, основателя, или создателя произведения (текста), реального человека с конкретной биографией и характерной социальностью. Автор политического текста как языковая личность всегда стоит за самим текстом. Как правило, он выступает в роли представителя определенных социально-политических кругов, позиции и взгляды которых он выражает или защищает. Являясь представителем не только политических партий и иных объединений политического толка, но и представителем определенного этноса и культуры, политик одновременно представляет собой синкретическое единство определенных политических и личностных взглядов, концепций и направлений. Политический текст несет в себе информацию, как о своем авторе, так и об адресате. Автор политического

текста имеет смыслообразующий характер. Адресат важен для него как конкретная целевая аудитория [3; 16].

В.Н. Сыров отмечает, что обсуждение темы авторства представляет собой длительную историю, к которой обращались в связи с определением роли авторского замысла либо интенции, объясняющей сущностные свойства текста [21]. В отличие от «адресатоцентричных» текстов, в политических текстах, по нашему мнению, «смерть автора» не представляется возможной [5; 8]. Эту идею Р. Барта можно толковать как призыв к более тонкой трактовке природы авторского замысла, а утверждение о сценаристе, рождающемся «одновременно с текстом», также можно прочесть в качестве призыва «извлекать автора из созданного текста». Да и сама мысль Барта об интерпретации текста указывает на необходимость его понимания как воплощенной множественности. Своего рода, это – призыв обратиться к экспликации тех инструментов или кодов, которыми пользуется автор при его создании. Очевидно, что любое восприятие как образа автора, так и самого текста связана с релятивизмом и прагматизмом [5; 21].

Достижение автором своих целей предполагает ориентацию на определенный уровень когнитивной и коммуникативной компетентности адресата. Для этого автор в той или иной возможной мере пытается предусмотреть его потенциальные реакции – и на основании этого производит отбор, осуществляет обработку и выбирает те или иные способы вербального представления с учетом фактора адресата [1; 3]. С точки зрения Е.А. Баженовой, роль автора «в тексте определяется коммуникативно-прагматической задачей «упаковать» политическую информацию так, чтобы она была адекватно воспринята адресатом» [2, с. 6] с принятыми нормами, а также в соответствии с ожиданиями. Фактор адресата как прагматическая категория текста также определяет процесс текстообразования. Необходимо также принять во внимание и «положение о том, что любое речевое сообщение имеет своего потенциального получателя, можно отнести к разряду общепринятых. Не вызывает сомнения также вывод о наличии у автора и

адресата общих фоновых знаний и коммуникативных навыков, выступающих непременным условием успешной коммуникации» [2, с. 6].

Параметры текстопорождения в политическом дискурсе неразрывно связаны с прагматическими установками. В связи с тем, что масс-медиа оказывают существенное воздействие на коммуникативные процессы, их учет в функционировании политического дискурса приводит к возможностям однократных и многократных, непосредственных и опосредованных взаимовлияний автора и адресата (причем последнее может быть отсрочено во времени и разорвано в пространстве) [9]. Адресат может интерпретировать политический текст, воспринимать его пассивно, активно или нейтрально, а также включаться в политический дискурс. Схожие реакции различных адресатов на разные авторские роли автора может быть объяснены тем, что автор в некоторых случаях делает свой дискурс прерывистым с целью модификации и/или уточнения каких-либо деталей или собственной позиции. Автор политического дискурса нацелен на трансформацию взглядов, намерений и установок адресата, расширяя границы интерпретационного поля в зависимости от его интересов [9].

Понятия языковой личности и образа автора текста в зеркале антропоцентристской парадигмы не являются тождественными, поскольку вторая категория отлична не только по объему воспринимаемого текста, но и в связи с использованием экстралингвистических средств коммуникации. Дискурс, несмотря на полидисциплинарный характер, неопределенность и порой ошибочное употребление, через его понимание как лингвистической категории, ни коей мере не дублирует и не подменяет понятия «текст», как это могло показаться при первом приближении, но обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию текста как некоторой формальной конструкции [27]. Понятие дискурса также не тождественно и понятию языка, поскольку язык предполагает правила конструирования любого высказывания, то он потенциально включает в себя все возможные

высказывания. Дискурс всегда индивидуализирован, поскольку не бывает двух одинаковых дискурсов.

Антропоцентристская парадигма обнаруживает связь языка и человека как его носителя с политикой, что при современном состоянии лингвистических исследований не вызывает сомнений. В первую очередь, в когнитивном, прагматическом и психолингвистическом аспектах, поскольку языковые процессы в области политики протекают в неразрывной связи с сознанием и мышлением человека. Образы, формируемые восприятием, тесно связаны с политической культурой, политическим сознанием, самосознанием, эмоциональными переживаниями. Дискурсивный характер проявляется в политике гораздо чаще, нежели в других областях человеческой деятельности: большинство политических действий суть речевые действия.

Дискурсивная личность неоднозначно воспринимаемого политика представляет собой интерактивную систему разносторонних и персональных стратегий и тактик в производимых ими текстах языковые личности каждого из политиков уникальны и легко узнаваемы. В политическом дискурсе в качестве авторов и адресатов текстов позиционируются не только индивидуальные, но коллективные субъекты. Реализация авторского замысла современного политического текста неизбежно оказывается связанной с образом того адресата, к которому он обращен. Генерирующее начало при способах создания и построения текста в политическом дискурсе принадлежит как автору, так и адресату. Черты образа автора складываются из того, что называют речевым и невербальным поведением, предполагающего сложную организацию автора.

Не будет лишним отметить, что с развитием и усложнением общественных отношений речь становится мощным инструментом, открывающим персуазивные возможности для субъектов политики. Антропоцентристская парадигма, отражающая ситуации политического дискурса, эффективна, прежде всего, по причинам ее ориентирующего характера. В тех спорных моментах, когда большинство населения не может определиться с политическим выбором на основе учета своих собственных

интересов, большую значимость приобретает образ автора, рассчитанный не только на логическую, но и эмоциональную аргументацию. Коммуникативная составляющая образа политического деятеля в совокупности с соответствием вербализированных пропозициональных установок по поводу конкретных проблем, на наш взгляд, играет важную роль, фактически напрямую определяя его будущий успех или неудачу.

Список литературы:

1. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. 271 с.
2. Баженова Е.А. Средства адресации в научном тексте // Медиаскоп. 2012. № 4. С. 6.
3. Бакланова И.И. Образ автора и адресата нехудожественного текста: дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык. М.: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2014. 431 с.
4. Балыкина О.С., Мисник М.Ю. Образ политического лидера в восприятии студентов // История. Общество. Политика. 2017. № 1 (1). С. 208-211.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
6. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка. Л., 1984. 33 с.
7. Гаврилов Л.А. Политический дискурс в зеркале научного // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 50-54.
8. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144-153.
9. Грицкевич Ю.Н. Фактор автора и фактор адресата в масс-медиаальном политическом дискурсе // Медиалингвистика. 2013. № 2. С. 137-140.

10. Жумагулова Н.С. Модель языковой личности Г.И. Богина в ее отношении к современности [Электронный ресурс] // Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева [сайт]. 2019. URL: <https://goo.gl/Qc9N2b> (дата обращения: 12.02.19).

11. Капитонова И.В. Перлокутивный эффект директивных речевых актов в конвенциональном межличностном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 164-169.

12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

13. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения: вступительная статья // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.

14. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-129.

15. Равочкин Н.Н. Особенности политического дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 244-250.

16. Распопова С.С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 149-158.

17. Руженцева Н. Б. Лики автора в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 46-53.

18. Сёрл Дж.Р. Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2010. 208 с.

19. Соловьева А.А. Образ адресанта и образ адресата как важнейшие признаки коммуникативной ситуации (на примере речевого жанра "совет" в современном английском языке // Альманах современной науки и образования. 2013. № 3 (70). С. 171-174.

20. Сухоцкая Е.Б. Влияние языковой личности на формирование образа политика посредством цветовой метафоры в мемуарном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 152-156.

21. Сыров В.Н. Умер ли автор: когда необходима авторская перспектива? // История. Семиотика. Культура. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. С. 143-157.

22. Тенева Е.В. Политические стереотипы в британском политико-публицистическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 2. С. 131-140.

23. Цуциева М.Г. К вопросу о синкретизме языковой личности политика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 172-180.

24. Цуциева М.Г. Языковая личность как субъект политического дискурса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2012. № 2. С. 104-107.

25. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5 (83). С. 104-108.

26. Чепкасов А.В. Работа спичрайтера и политического деятеля над текстами публичных выступлений (к постановке проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2 (11). С. 34-41.

27. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Издательство «ФЛИНТА», 2013. 208 с.

28. Чистанова С.С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 85-90.

Сведения об авторе:

Равочкин Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Кемерово, Россия).

Data about the author:

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Humanitarian and Law Disciplines Department, Kemerovo State Agricultural Institute (Kemerovo, Russia).

E-mail: nickravochkin@mail.ru.